

Проводив людей до ворот почтовой станции, он поклонился троим по очереди:

— Ныне на юге случилось большое наводнение, народ потерял кров, но, к сожалению, ваш покорный слуга незначителен и слаб, и то, что делаю, — всего лишь малая толика сил. Вечером в моём доме устроен скромный пир, дабы смыть пыль с дороги для вас. Прошу, наследный принц, князь Вэн, князь Цзянбэй, почтите своим присутствием.

Лу Юй с улыбкой согласился.

После отдыха вся компания отправилась в дом Чжан. Чжан-дажэнь ожидал у ворот. Увидев приближающихся, он короткими шажками сбежал с лестницы навстречу, с полным соблюдением церемоний поклонился:

— Приветствую наследного принца, Его Высочество князя Вэн, князя Цзянбэй.

Порядки нельзя нарушать. Лу Юй был среди них самым высокопоставленным, разумеется, он шёл впереди. Чжан-дажэнь был хозяином дома, потому отставал на несколько шагов, указывая дорогу наследному принцу.

Сказано «скромный пир» — значит, скромный пир: ни певиц, ни танцовщиц, лишь четыре обеденных столика, пока пустых, еду ещё не подали.

Лу Юй воссел на почётном месте, спокойным взглядом окинув окружающую обстановку. Чжан-дажэнь, стоя перед своим столиком, объяснил:

— Нет песен и плясок для развлечения, кушанья — любимые блюда повара моего дома. Прошу наследного принца не гнушаться.

Лу Це, поднимая бокал, прикрылся рукой. В уголке губ мелькнула едва заметная усмешка, полная холодной насмешки.

Народ потерял кров, а начальник округа усерден и бережлив, знает церемонии и ценит этикет.

Если рассказывать об этом вовне, разве не станет это народной доброй сказкой?

Сомнения в душе были не только у него. Когда Фу Чэнцы поднял глаза, на его лице тоже промелькнула многозначительная улыбка.

* * *

Без песен и плясок обстановка оказалась несколько прохладной. Чжан-дажэнь с улыбкой до ушей завязал разговор с Лу Юем: от особенностей Цзяннань, прекрасных пейзажей до уличных закусок, блюд из ресторанов. Боюсь, если продолжить, даже узор на ключицах новой куртизанки с берега реки этот Чжан-дажэнь выложит.

Тянули эту беседу долго, но к сути не подходили. Даже у Лу Юя с его мягким нравом, сидевшего на почётном месте, начало проявляться нетерпение.

Лунный свет за окном пронизывала осенняя холодная колкость. Он проникал в зал, вздымая занавески в углу.

Родственники Фу Чэнцы по материнской линии тоже были знатными людьми Цзяннань. С этим Чжаном он ещё мог обменяться парой слов. В то же время Лу Це, незнакомый с местными в Цзяннань, действительно не о чем было говорить.

Предаваясь лени, он оглядел зал. Не говоря уже о том, что Чжан-дажэнь был дородным и скользким, обстановка и убранство в его доме были весьма изысканными.

Но кое-где явно виднелись следы волочения — отпечатки, оставленные долгим стоянием тяжёлых предметов.

Что же там стояло раньше? — размышлял Лу Це, слегка прищутив глаза, отчего его и без того переливчатые глаза стали ещё глубже.

Когда Чжоу Танъинь строил свою усадьбу, он пригласил геоманта: какая вещь где должна стоять — всё точно, словно вымеряли линейкой до миллиметра. Лу Це пару дней наблюдал, почерпнул немного поверхностных знаний, но в конце концов в жаркую погоду не устоял перед удобным прохладным креслом и сдался.

Теперь, глядя на смеющегося и болтающего Чжан-дажэня, в его взгляде появилось нечто иное.

Эта беззвучная перемена не привлекла внимания окружающих.

Лу Юй на почётном месте, видя, что этот Чжан не желает говорить прямо, исчерпал запас свободного терпения. Тёмные зрачки быстро потемнели, накапливая мрачную бурю:

— Чжан Чжэнцин, а где беженцы Ванду?

Чжан Чжэнцин не ожидал такой прямоты от Лу Юя. Сердце ёкнуло, на лице на миг застыла маска, но быстро восстановилась, лишь улыбка стала слабее:

— Как Ваше Высочество видит, все уже размещены.

Если прислушаться, нетрудно заметить, что в голосе звучала обида. Пожилой толстый мужчина строил из себя обиженного.

Лу Юй задал ещё несколько вопросов, но Чжан Чжэнцин отделялся туманными словами.

Они только что прибыли в Ванду, текущая обстановка ещё не ясна. Семья Чжан, как ни крути, укоренилась в Ванду на многие годы. Но в данной ситуации им троим действительно не было необходимости идти на жёсткую конфронтацию.

В тот момент, когда между ними возникла странная атмосфера, раздался неожиданный голос — это был ранее молчавший Лу Це.

— Чжан-дажэнь, — обращение прозвучало хриловато-сладким. Даже Фу Чэнцы невольно взглянул на него.

Чжан Чжэнцин не ожидал, что его внезапно назовут. Поспешно выпрямился и повернулся к Лу Це, изобразив подходящую улыбку:

— Прошу говорить, князь Вэн.

Вино в бокале переливалось, сверкая. Лу Це с улыбкой в глазах поднял бокал в его сторону. Чжан Чжэнцин не понимал, что к чему, но если князь поднимает бокал, он, естественно, должен немедленно ответить.

Взаимные тосты даже создали некоторую атмосферу близости. Лу Це наклонился вперёд, опершись одной рукой на тёмно-деревянный столик. Щёки слегка порозовели, ясные глаза

казались уже пьяными, голос тянулся лениво:

— Этот князь очень восхищается Чжан-дажэнем.

Эти слова повергли всех в оцепенение.

Даже Чжан Чжэнцин не выдержал, пошевелившись на циновке, словно сидел на иголках.

Лу Це, казалось, совершенно не обращал внимания на изумление окружающих. Его голос внезапно стал печальным:

— Наводнение в Цзяннань, множество людей потеряли кров. Этот князь вместе со старшим братом-императором и князем Цзянбэй ехал с юга от столицы. По пути видел беженцев, недоедающих и не имеющих одежды. Некоторые даже едят своих детей, варят их плоть и кости. На это больно смотреть.

Слова звучали так правдоподобно, что даже переливчатые глаза Лу Це действительно покраснели.

Фу Чэнцы, Лу Юй: «...»

На лбу Чжан Чжэнцина выступил пот. Интуиция подсказывала, что слова князя Вэн на этом не закончатся.

И точно, голос зазвучал снова:

— Пострадавших не сказать что много, но и не мало. За весь путь только Чжан-дажэнь добр к ним.

Чжан Чжэнцин дёрнул уголком рта, изобразив жёсткую улыбку:

— ...Это долг вашего покорного слуги.

Уголок губ Лу Це приподнялся. Улыбка из скорбной превратилась в игривую. Он поднял не очень новую фарфоровую чашу, внимательно разглядывая её. Глаза при свете казались туманными:

— Чжан-дажэнь честен и неподкупен, только... у этого князя есть один непонятный момент.

— Не знаю, что... что непонятно князю Вэн?

— По пути много видел замёрзших костей, на душе совсем нехорошо, — сказал он, изобразив скорбное выражение, словно и вправду было очень горько.

Затем его тон резко сменился, будто он отрепетировал это тысячу раз:

— Этот князь просто хочет увидеть тех, кто жертвует средства на помощь пострадавшим. Как раз старший брат-император здесь. Людей, заслуживших награды, следует должным образом поощрить.

Зрачки Чжан Чжэнцина заметно расширились. Внутри он онемел: эти палатки для помощи я поставил временно, где мне найти тебе жертвователей?!

Он засмеялся, пытаясь выкрутиться:

— Ха-ха, князь шутит. Эти палатки для размещения беженцев — дело рук вашего покорного слуги, другим не передавал.

Разве можно позволить другим присвоить свою заслугу? Нет! Конечно нет!

— Так ли это? — Лу Це резко выпрямился. Выражение лица стало непостижимым, затем странным тоном произнёс:

— Чжан-дажэнь доложил об этом двору?

Чжан Чжэнцин поклонился в сторону столицы, торжественно и праведно заявив:

— По милости императора, позволившего вашему покорному слуге служить в Ванду. Это наводнение в Цзяннань, народ потерял кров. Всё, что делает ваш покорный слуга, — лишь малая толика усилий, не стоит и упоминания.

— Тогда откуда у Чжан-дажэня деньги? — спросил Лу Це.

Атмосфера снова стала напряжённой. Воцарилась гробовая тишина.

На этот раз даже наблюдавший со стороны Фу Чэнцы вступил в разговор:

— Въехав в Ванду, по пути мы видели не меньше десяти мест размещения беженцев, и везде раздают кашу и творят добро. Если благотворители не жертвовали денег, то, насколько известно этому князю, жалованье Чжан-дажэня вряд ли бы на это хватило.

Как тут Чжан Чжэнцину было не понять намёк. Он с холодной усмешкой ответил:

— Ваш покорный слуга служит в Ванду уже много лет, скопил кое-какие сбережения. Ныне, когда Цзяннань в беде, разве можно цепляться за личную мелкую выгоду.

Вид такого благородства едва не заставил Лу Це выплюнуть глоток вина, который он только что проглотил.

Он произнёс то, что заставило Чжан Чжэнцина содрогнуться:

— Чжан-дажэнь недавно справлял свадьбу сына, масштабы были грандиозными. Говорят, пиршественные столы на длинной улице стояли три дня и три ночи, очень помпезно. Да ещё нужно содержать всю эту челядь в доме. Сбережений и вправду немало.

Спина Чжан Чжэнцина уже промокла. Тучное круглое лицо побелело, готовое вот-вот расплакаться. Это ведь было не «недавно», прошло уже три-четыре месяца. Кто мог подумать, что это всплывёт сейчас.

Несколько дней назад были дела, забыл предупредить о перерыве (совершаю харакири в знак раскаяния).

Открываем арку Цзяннань~

Благодарю за прочтение!

Оставляйте комментарии — раздаю красные конверты.

<http://bllate.org/book/15603/1392979>